

Микитюк Юрий Мирославович

КОНЦЕЦИИ ПРАВОСЛАВИЯ И НАРОДНИЧЕСТВА В ИДЕОЛОГИИ ПОЧВЕННИКОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/14.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 11 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 53-56. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Рис. 1

При создании куклы-макета дизайнер исследует форму деталей старинного костюма и конструкцию, которую модифицирует в элементы одежды современного костюма с учетом направления моды на перспективный период.

Рис. 2

Таким образом, следует отметить, что для активизации образно-эмоционального мышления дизайнера можно использовать любую форму окружающей действительности, так как по своей сути форма является творческим источником и легко трансформируется в костюм.

Список использованной литературы

1. Сафина Л. А. Дизайн костюма / Л. А. Сафина, Л. М. Тухбатуллина, В. В. Хамматова. Ростов н/Д: Феникс, 2006. С. 390.

КОНЦЕЦИИ ПРАВОСЛАВИЯ И НАРОДНИЧЕСТВА В ИДЕОЛОГИИ ПОЧВЕННИКОВ

Микитюк Юрий Мирославович

Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург

Концепции почвенников развивались в каждом десятилетии в более крайние формы. Например, в 60-е г. ещё не было ярко выраженного политического характера православия. Уже в 70-е г. Достоевский связывает православие с политикой.

В письме к А. Майкову он пишет: «Всё назначение России заключается в православии, в свете с Востока, который потечёт к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Всё несчастье Европы, всё, всё безо всяких исключений произошло от того, что с Римскою Церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся. Ну, представьте же Вы себе теперь, дорогой мой, что даже в таких высоких русских людях как, например, автор «России и Европы», - я не встретил этой мысли о России, то есть об исключительно - православном назначении её для человечества» [ПСС, 1911-1918, XXIX/1, с. 146-147]. Здесь мы видим, что Достоевский не удовлетворён окончательным выводом Данилевского.

В дальнейшем, Достоевский ещё более уверенно в основу своих историософских построений поставит православие и это будет связано с назревшим конфликтом с Турцией. Для Достоевского, прежде всего, Россия является объединительницей всех славян не столько в политическом, сколько в религиозном аспекте. «Империя, после турков, должна быть не всеславянская, не греческая, не русская - каждое из этих решений не компетентно. Она должна быть православная, - тогда всё понятно» [Там же, XXIV, с. 208].

Для писателя сущностью является не славянство, не славизм, а православие. В 70-е г. вся историософская концепция Достоевского строится вокруг православия. Достоевский утверждал до самой смерти, восточный вопрос, судьбы России, Европы и всего мира сплетены с православной идеей «Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты в православии. С Востока и пронесётся новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасёт европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чём для России заключается Восточный вопрос» [Там же, XVI, с. 85]. Отсюда и вопрос войны для Достоевского не является чем - то чуждым, потому что «...война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте» [Там же, XXIV, с. 90].

В дальнейшем, мы считаем необходимым, более подробно остановиться на концепциях православия и народности в идеологии «почвенничества». В конце жизни Достоевский писал: «При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала её. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью. Эти убеждения формулировались всегда и везде в религию, в исповедание новой идеи, и всегда, как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность» [Там же, XXVI, с. 165].

То, что вероисповедание является главным фактором, определяющим исторические судьбы народов, было заложено ещё в основе доктрины славянофилов. Славянофил А. Кошелев в ответе на редакторскую статью И. Аксакова писал: «Программа ваша хороша, очень хороша, но жаль, что вы выставили знаменем не вещь, а форму... Одна народность не доведёт ещё нас до общечеловеческого значения... Вера, одна вера может... создать нечто органическое... Без православия наша народность - дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение» [Милков, 1902, с. 293].

Аполлон Григорьев ещё в 1856 г., писал что: «Дело православия слилось для восточнославянского племени с делом его народности... Все связи наши с историей, с стариною, - поддерживаются церковью...» [Григорьев, Нечто о православии, с. 109-110]. Достоевский, спустя четверть века, сказал что «Отрицающий народность отрицает и веру. Именно у нас это так, ибо у нас вся народность основана на христианстве. Слова «крестьянин», «Русь православная» - суть коренные, наши основы» [ПСС, XV, с. 484].

Достоевский считал, что русские отрицающие народность, обязательно есть или атеисты или равнодушные люди. Таковым трудно понять русский народ и русскую народность. Для него и для многих других славянофилов, «крестьянин» есть синоним «христианин». Такую мысль выражали не только сами идеологи, но это была также официальная идея, автора толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля. Он прямо указал, что одно из толкований термина «крестьянин», является «крещеный человек» [Даль, 1978, с. 192]. Но на наш взгляд, главное, что отличало почвенников от других движений, это отношение к «неофициальному» православию. Пользуясь, случаем, хотелось бы отступить от темы, но только лишь для более ясного дальнейшего понимания их отношения к православию.

Во время мрачного семилетия 1848-1855гг., из-за страха перед революционным движением, Николай I ввел в России чуть ли не военное чрезвычайное положение. Так же свирепствовала цензура, и были взяты под подозрение все кружки и судили не только за действия, но и за идеи. Даже безобидные славянофилы в это время, воспринимались в политическом смысле, как «потрясатели» основ. На радость консервативно настроенных, граф Уваров, прежде чем, лишился министерского кресла, - пытаясь вступить в те дни за университеты, - оставил для консерваторов триединую форму: Православие, Самодержавие, Народность.

Вот что пишет об этом Егоров Б.: «Уваров был умный человек, он взял для своего лозунга категории, в самом деле, значительные для его времени: *православная* культура давно уже укоренилась как главенствующая, *самодержавие* господствовало как политическая сила, а *народность*, весьма смутно понимаемая и толкуемая создателем триединой формулы, самой расплывчатостью привлекла к себе самых разных идеологов» [Егоров, 2000, с. 92].

Так вот, официальное православие, по мнению почвенников (и не только), создавалось интеллигенцией, очень часто «оторванной от «почвы»». В некотором смысле церковные реформы Петра I, так же повлияли на официальное православие, так как в результате этих реформ, церковь была подчинена государству. В связи с этим, староверы считали Петра I антихристом.

Почвенники в «простонародном православии» видели большее выражение национального характера русской веры, чем в официальном православии. Для них именно «простонародное» или даже «народное» православие связано с русской идеей «Москва - Третий Рим». С искренним интересом почвенники относились к старообрядцам и всегда с симпатией высказывались о них. А. Григорьев считал, что раскол в русской церкви, свидетельствовал о том, что «православие ещё ist im Werden (находится в становлении)» [Григорьев, Не что о православии, с. 110].

Интерес к старообрядцам был огромен в 60-е XIX века. В это время стали появляться различные публикации по истории раскола, и всё это невзирая на жестокие притеснения раскольников. С момента публикации в 1861 г. текста «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», тема старообрядчества стала весьма популярна в научных исследованиях, в литературе, а так же и в политике.

В журналах братьев Достоевских материалы о старообрядчестве печатались многократно. Например, первый номер журнала «Время» за 1862 г. разместил на своих страницах статью историка Н. Аристова «По поводу новых изданий о расколе» [Время, 1862, № 1, с. 76-98]. Также журнал «Время» [№ 10-11] опубликовал очерк А. Щапова «Земство и раскол. Бегуны».

По мнению Григорьева, А. Щапов в своих работах проявил немалую близость с программой почвенников. В своих статьях Щапов отстаивал точку зрения о том, что старообрядчество есть «русская оппозиция» к нерусскому государству и вера их так же трактовалась как исконная, народная, неповрежденная централизацией, то есть истинная форма православия. Историк критиковал Петра I и его навязанные «немецко-шведские формы», которые проявились протестом в двух формах: старообрядчестве и пугачевщине. Интерпретация раскола как народного протеста против «немецко-шведского» государства, совпадала с концепциями самих почвенников.

Григорьев считал, что идея централизации стала одним из отличительных признаков западничества и заключалась в поглощении личности общностью романно-германского типа [Там же, с. 118.]. По мнению критика, идея централизации приводит к легализации государственного деспотизма. Таким образом, происходило принуждение всего народа, принуждению личности «мысль об уничтожении личности общностью в нашей русской душе есть именно слабая сторона славянофильства» [Григорьев, Материалы для биографии, с. 215].

В творчестве Ф. Достоевского, мы так же, как и у остальных почвенников, находим позитивную оценку старообрядчества. Позволим себе сделать только небольшой обзор героев в романах Достоевского, связанных на наш взгляд со старообрядчеством.

В «Записках из Мёртвого дома» есть старичок - старообрядец, сосланный на каторгу за поджог церкви. Достоевский пишет: «Часто говорил я с ним и редко встречал такое доброе, благодушное существо в своей жизни» [ПСС, IV, с. 33]. В романе «Преступление и наказание» важную роль играет фамилия главного героя. Конечно же, Раскольников Родион не является в прямом смысле раскольников, но его бунт против существующих общественных норм и в завершении «принятие страданий», подчеркивают в нём своеобразно-го символического старовера.

Во время встречи с Раскольниковым в его квартире, Порфирий Петрович даёт ему своё определение: «Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, - если только веру иль Бога найдёт» [Достоевский, 1997, с. 712-713].

В романе «Идиот», фамилия Парфена Рогожина, так же отсылает нас этимологически к названию старообрядческого Рогожского кладбища, которое с XVIII в. и до наших дней является духовным центром русского старообрядчества.

В то же самое время, к официальной церкви в среде почвенников, было достаточно критическое отношение. А. Григорьев писал Е. Эдельсону, что в нем «основательно развилась... вражда к официальному православию» [Григорьев, Материалы для биографии, с. 215].

В письме Н. Страхова к Л. Толстому мы читаем следующее: «Архиереи не помогли - вот Вы увидели их жалкое умственное состояние. Они люди верующие, но эта вера подавляет их ум и обращает их рассуждения в презреннейшую софистику и риторiku. Они не признают за собой права решать вопросы, а умеют только всё путать, всё сглаживать, ничему не давать ясной и отчетливой формы, много говорить и ничего определенного не сказать. Я ненавижу все эти приёмы, хотя знаю, что при них может существовать дух действительного смирения и действительной любви. История нашей церкви в этом отношении очень жалка. Великих богословов, великих учителей - нет, нет ни какой истории, ни борьбы, ни развития, ни расцвета, ни падения» [Переп. Н. Страхова и Л. Толстого, 1914, с. 234-235].

При всех симпатиях почвенников к старообрядчеству и критики официального православия, они никогда не разрывали с ним. Защищая раскольников от церковных догматиков, они в то же самое время отстаивали православие как таковое. Православие они воспринимали как религию, которая во всей полноте выражает суть истинного христианского вероучения.

Идеализация православия почвенниками была так сильна, что трудно однозначно выяснить, что именно они подразумевали под этим термином. По мнению А. Лазари для них православие «...и религия, и образ жизни, и путь к спасению каждой отдельной личности, всей России и всего мира» [Анджей де Лазари, 2004, с. 122].

Григорьев принимал одинаково как старообрядческое православие, так и официальное. Так же Ф. Достоевский писал, что «Православие, то есть форма исповедания Христа, есть начало нравственности и совести нашей, а стало быть, общественной силы, науки, всего» [ПСС, XXI, с. 266]. И там же, но уже как противовес «Когда с попов сословность слезет, тогда уничтожатся и секты, и атеизм, ибо контингент атеистов всё-таки даёт духовенство» [Там же, XXIV, с. 208].

К. Леонтьев был уверен, что православие Достоевского было «розовым христианством», которое полностью противоречило учению отцов церкви и византийской традиции [Леонтьев, 1990, с. 13]. Но православие почвенников и не принимало византийского духа русской ортодоксальной церкви. Лучше всего это выражено в работе С. Булгакова: «Шатов поистине оказывается идеологическим предшественником того болезненного течения в русской жизни, в котором национализм становится выше религии, а православие нередко оказывается средством для политики» [Булгаков, 1996, с. 21].

Достоевский Ф. М. проявил немалую антипатию к другим ветвям христианства. Превознося русское православие, он отрицал всякую ценность католицизма и протестантизма, а так же и других религий (иудаизм и ислам). Для писателя идеалы католицизма и протестантизма, воплощали, прежде всего, французы и немцы и о них Достоевский отзывался весьма негативно.

По мнению Ф. Достоевского, Россия, станет Третьим Римом и скажет миру «новое слово»: «это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настоящее новое воздвижение креста Христова и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия» [ПСС, XXIII, с. 50].

Уже в романах Ф. Достоевского мы видим, что концепция почвенников в отношении православия, была в большей степени историософской категорией. Достоевский утверждает, что «нам именно надо заявить себя связанными государственно с православием. Это всё, что мы имеем» [Там же, XXIV, с. 183]. Другой современный теолог считал, что «русский «мессианизм» иногда попросту уравнивал Православие с Россией, забывая об его византийских истоках» [Шмеман, 1954, с. 340]. Вот здесь и проявилась логическая завершенность почвеннических концепций народности, православия и мессианизма русского человека.

Список использованной литературы

1. Анджей де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / пер.с польск. М. В. Лескинен, Н. М. Филатова. М., 2004. 122 с.
2. Булгаков С. Русская трагедия // Булгаков С. Тихие думы. М., 1996. 21 с.
3. Время. 1862. № 1.
4. Григорьев А. Материалы для биографии. 215 с.
5. Григорьев А. Нечто о православии: письмо В. П. Боткину // Письма А. Григорьева. № 149. 110 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 2. 192 с.
7. Достоевский Ф. М. Избранные сочинения. М.: Рипол классик, 1997. Т. 1. 832 с.
8. Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев. М.: Мол. гвардия, 2000. 219 с.
9. Егоров Б. Ф. Григорьев А. - критик // Учен. записки Тарт. ун-та. Тарту, 1960. 198 с.
10. Леонтьев К. О всемирной любви, по поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // О Достоевском: сборник. М., 1990. 13 с.
11. Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902. 293 с.
12. Нечаева В. Журнал М. и Ф. Достоевских «Время». М., 1972.
13. Переписка Н. Страхова и Л. Толстого. М., 1914.
14. Шмеман А. Исторический путь православия. Париж, 1954. 340 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX-НАЧАЛО XX В.)

Мойсинович Анна Михайловна

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Общепризнано, что наиболее последовательной и либеральной по характеру из всех реформ второй половины XIX в. была судебная, явившаяся закономерным следствием отмены крепостного права и наделения крестьян землей. Судебная реформа 1864 г. непосредственным образом повлияла на образованную часть общества, которая с энтузиазмом включилась в работу новых судебных учреждений, стремясь лично принять участие в качестве мировых судей, бесплатных консультантов и т.д. Профессиональная подготовка многих из них позволила объединить усилия для разработки правовой науки и законодательства путем создания небольших профильных кружков.

Организационно эти кружки не были связаны между собой. Первоначально они появились в С.-Петербурге и Москве, а затем, с введением Судебных уставов 1864 г., и в провинции. В них углубленно изучалось гражданское законодательство, шло обсуждение тем, касающихся судебного дела, и обучение обвинению и защите. Кружки состояли из лиц, которые служили в судебном ведомстве. Эти объединения легко создавались и так же легко распадались, так как все зависело от людей, объединявших вокруг себя заинтересованных лиц. Судебная реформа 1864 г. требовала мобильности от молодых юристов, которые очень часто, проявив себя на одном месте, назначались в другую губернию или столицу на более высокий и ответственный пост.